

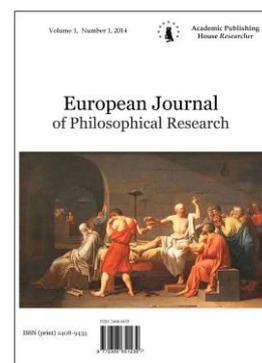
Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.

ISSN: 2408-9435
E-ISSN: 2413-7286
2017, 4(1): 11-22

DOI: 10.13187/ejpr.2017.1.11
www.ejournal17.com

UDC 1

Racial Pluralism during the Postmodern Era. Problems and Prospects

Yury D. Granin ^{a, *}

^aInstitute of philosophy of the Russian Academy of Sciences,
Academies of the media industry, Russian Federation

Abstract

In article analyzes the global tendency of change of racial balance of the USA and other countries, its consequences for many states of the modern world. The strengths and weaknesses of the "racial realism" are considered, solutions to the problem of racial integration are offered. Prospects of mankind are connected with refusal of ideology of a postmodern, policy of racial integration and multiculturalism. Emergence of these phenomena is caused by the influence of neo-liberal institutions of the global economy and the spread of information technology, which is related humanity anonymous power systems. The author believes, that the robust public policy, which combines tradition and modernity in the horizon of national identity, can withstand the symbolic violence of mass culture "of the global consumer."

Keywords: identity, integration, postmodernism, race, relativism, segregation.

Введение

Еще в начале нового тысячелетия лидеры многих европейских государств, не говоря о США, ратовали за расовое разнообразие. Однако многотысячные волны мигрантов с Ближнего Востока, Северной Африки и Афганистана, захлестнувшие Европу в 2014-2016 годах и быстро превратившие многие страны благополучной Старого Света в "Новый Вавилон", отрезвили расовых оптимистов. Многих смущает не только экономическая нагрузка на национальные европейские государства, вынужденные содержать десятки и сотни тысяч иммигрантов, сколько откровенное нежелание последних интегрироваться в новую конфессиональную, социальную, политическую и культурную среду. Они предпочитают жить общинами, сохраняя собственный культурно-ценностный код и социальный уклад, разветвленные связи со странами происхождения и родственными диаспорами в других государствах.

Разумеется, это случилось не вчера и было замечено всеми, кто задумывался над возможностями "самоупражнения" европейских государств в ходе тотального изменения их культурно-национального ландшафта [Подробнее см. 3, 4, 5]. Но значительных политических последствий этот демарш интеллектуалов до сих пор не возымел. Даже регулярные террористические атаки не привели к пересмотру политического курса на толерантность и политкорректность, а, возможно, только укрепили его, "переведя стрелки" на радикальный

* Corresponding author

E-mail addresses: maily-granin@mail.ru (Y.D. Granin)

политический ислам. Кажется, подавляющее число политиков Запада просто не воспринимают всерьез проблему расовой интеграции и фрагментаризации (утраты, размывания) складывавшихся веками традиционных идентичностей, вызванную наплывом расово иных инокультурных мигрантов. Парадоксальным образом на демократическом и толерантном Западе исследования в области человеческого разнообразия, специфики интеллектуального потенциала, особенностей девиантного поведения, моральных и прочих ценностей представителей разных рас подвергаются яростным нападкам под предлогом "расизма" и по причинам, с наукой ничего общего не имеющим.

В настоящей статье я попытаюсь показать, что истоки расового дальтонизма многих политиков и интеллектуалов следует искать в лоне постмодернистского мировоззрения, провозгласившего отказ от поиска объективной истины и эпистемологическое равноправие дискурсов любого рода. В этой связи мною будут рассмотрены характерные черты противостоящего стратегическому релятивизму модернистского (сциентистского) по сути направления "расового реализма", некоторые представители которого предлагают пересмотреть распространенные практики человеческого общежития.

Основное содержание

Исторической особенностью мировоззрения политических и интеллектуальных элит государств современной евроатлантической цивилизации, из которого выросли пресловутые "толерантность" и "политкорректность", можно считать его "постмодернистский" окрас. Характерной чертой этого мировоззрения, формирование которого началось на волне кризиса "старых" западных либеральных демократий, студенческих «революций» в Западной Европе, борьбе за права и свободы расовых меньшинств в США, с одной стороны, и деколонизации мира, с другой, стала *установка на плюрализацию жизни и релятивизацию познания*, поставившая под сомнение ценности, практики и институты эпохи модерна.

В социальных науках упор был сделан на "эпистемический поворот", характеризуемый отказом от парадигмальных образцов естествознания и равноправностью дискурсов любого рода. В исторических и социальных науках* появилось мощное интеллектуальное направление «реориентализма» объявившее о необходимости выхода за пределы абстрактного универсализма и «логики евро-атлантической модерности» (отмеченной колониализмом и имперским различием) в пространство «глобальной истории», «контр» – и «транс»-модерности. Позволяющее, будто бы, создавать не менее эффективные, чем евроатлантические, «эпистемы» анализа, теоретические проекты и модели развития, ведущие, как считают, постепенно к созданию иной – ерепрессивной по отношению к «отставшим» народам – глобализации.

Возможно, так и случится. Но настораживает одно обстоятельство: адепты так называемых постколониальных исследований сделали европейскую науку эпохи модерна (с ее фундаментальной установкой на объективность познания) ответственной за политические практики колониализма, к которым она не имеет ровным счетом никакого отношения. В частности, становление антропологии и этнологии свидетельствует об этом весьма убедительно: никто из выдающихся исследователей 17-20 столетий, отмечая морфологические, психотипические и культурные различия между представителями различных рас и народов, тем не менее, никогда не был замечен в политическом "расизме". Между тем сейчас ряд исследователей постмодернистской ориентации (Роджер Брубейкер, Фредерик Купер, Мара Лавмэн, Петр Стаматов, Дэвид Лэйтон и некоторые другие) предлагают кардинально поменять теоретический аппарат социальных наук, избавившись, в том числе, от понятия "раса", возникшего, якобы, в лоне европейской "народной социологии". Последняя формировалась под влиянием общественной (прежде всего политической) практики (основанной на представлении о неравенстве рас и народов планеты, о цивилизационном "бремени белого человека"), и откуда, будто бы, научная (аналитическая) социология некритически и заимствовала эту категорию [1].

* Преимущественно связанное с именами работающих в Европе, Японии и США ученых – выходцев с арабского Востока, Индии и Латинской Америки.

Разумеется, влияние социального и культурного контекста на развитие науки необходимо учитывать. Но относительную самостоятельность и обратное влияние науки на социальную практику также надо брать в расчет. Например, термин «раса» возник еще в XVIII столетии отнюдь не в рамках народной социологии и не является только продуктом европейских колониальных практик, а появился в границах физической антропологии, которая испытала на себе влияние культурных смыслов, тем не менее, зафиксировала объективные антропологические различия между людьми. Цвет кожи, особенности строения тела, обменных процессов, наследственности – эти и другие физиологические различия имеют объективный характер и ученые-антропологи, признающие, в отличие от Брубейкера, биосоциальный характер природы человека, эти различия учитывают. Так что «раса» была и остается компонентом «научной (антропологической) реальности» и отказываться от него только потому, что его используют дельцы от политики, наука не спешит. Свидетельством тому набирающее силу в последние годы направление "расового реализма", о котором стоит сказать особо.

Термин «расовый реализм» в его современной трактовке впервые был использован в начале 1970-х известным американским психологом и генетиком Артуром Дженсенем (1923-2012), который указывал на биологическую реальность рас, различающихся физиологически, поведенчески, генетически и фенотипически. Этот подход сейчас разделяют такие известные ученые как Дж. Филипп Раштон, Ричард Линн, Крис Брэнд, Фрэнк Зэлтер, Стэнли М. Гарн, Ричард Голдсби, Томас Джексон, Гедалия Браун, Вильм Боггс и, конечно, Джаред Тэйлор, которого по праву можно назвать "идеологом" расового реализма*.

Разумеется, это направление исследований неоднородно. Общим является представление о том, что «существование рас имеет биологический и генетический базис». Однако ученые никак не могут договориться о том, что следует понимать под понятием «раса», сколько рас существует на нашей планете и как их классифицировать[†]. При этом одни исследователи определяют расы как "подвиды" или "популяции" одного вида *Homo sapiens*, тогда как другие исходят из того, что расы представляют собой отдельные "виды" общего рода "человечество". Так, например, известнейший американский антрополог Карлтон Стивенс Кун (1904–1981), автор знаменитой книги «Расы Европы» (1962), создатель «мультирегиональной концепции» происхождения рас, пришел к выводу, что разные современные расы произошли от пяти основных самостоятельных предковых форм в пяти географических зонах и в разное время.

Так что единства взглядов в среде современных антропологов по вопросам происхождения, числа и классификации рас нет до сих пор. Многие специалисты в области генетики и геномики, фиксируя незначительность генетических различий континентальных и субконтинентальных групп людей, ставят под сомнение продуктивность использования понятия "раса", правда, не вводя нового термина для дифференциации очевидного человеческого разнообразия, выраженного, помимо внешних различий, в различиях психики и поведения, в том числе – девиантного.

Последнее обстоятельство стимулировало многих специалистов продолжить исследования в направлении поиска биологических различий и антропологического подобия многочисленных рас (этносов), которые необходимо учитывать в социальной политике всех государств мира. Некоторые ученые обращали внимание и на генетическое подобие и генетическое различие, которое проявляется в инстинктивном (бессознательном)

* С теоретическими взглядами этих мыслителей и результатами их исследований можно ознакомиться в антологии "Гонка со временем. Расовые ереси в XXI столетии". Перевод с англ. М. Диунова. М.: Кучково поле, 2016. Книга представляет собой сборник избранных статей журнала "Американский Ренессанс", главный редактор которого – Д. Тэйлор – один из видных мыслителей и политиков США, принадлежащий к направлению "белых консерваторов".

[†] Диапазон количества рас впечатляет: от трех до нескольких десятков. Наиболее известным является представление о наличии пяти «рас» – европеоидной, монголоидной, австралоидной, американоидной и негроидной. В качестве основы их дифференциации берутся различия в формах черепа, скелета, цвета кожи, запах тела, форма века, носа, губ и ряд других характерных признаков, которые были зафиксированы и описаны еще в 19 столетии.

определении людьми тех, кто принадлежит к сообществу "своих", а кто нет. «Степень сотрудничества между организмами, – отмечал Ван ден Берге, – может находиться в прямой зависимости от доли генов, которые для них общие, и наоборот, степень конфликта между ними является обратной функцией доли общих генов» [11, с. 165]. Ван ден Берге использовал слово «организм», так как обнаружил, что этот принцип является верным и для животных, и для людей. По его мнению, когда есть большое генетическое расстояние между различными особями (а у людей – когда они представители разных рас), конфликты становятся острее.

Это связано с врожденной враждебностью к незнакомцам. Большая часть нашей эволюции как отдельных видов случилась до изобретения сельского хозяйства: в течение миллионов лет наши человеческие и «дочеловеческие» предки жили кланами охотников-собирателей. Члены небольших групп, как правило, были в родстве, и для них было важно сотрудничать и даже жертвовать своими интересами друг для друга. В то же время незнакомцы были потенциально опасными конкурентами за пищу и территорию. Как пояснил Эдвард О. Уилсон: «Самый сильный стимул агрессивного ответа у животных – это образ незнакомца, особенно вторгающегося на их территорию. Этот ксенофобский принцип был выявлен практически в каждой группе животных, демонстрирующих высшие формы социальной организации» [12, р. 249]. И люди не исключение. Исследования указывают на бессознательные процессы в головном мозге человека, которые отторгают людей, отличных от нас самих.

Для человека наиболее очевидным показателем антропологического сходства является внешний вид. Многочисленные эксперименты убедительно показали: не только взрослые, но и дети лучше различают людей своей расы, чем других. Эта разница настолько хорошо известна, что психологи назвали ее «эффектом другой расы». В частности, Лоуренс А. Гиршфельд показывал детям в возрасте трех, четырех и семи лет картину «Джонни»: пухлощекий чернокожий мальчик в полицейской форме со свистком и игрушечным пистолетом. Затем он продемонстрировал им фотографии взрослых, на которых были две из трех основных примет Джонни: расовая принадлежность, телосложение и форма. Он подготовил все возможные комбинации – полицейские, которые были пухлыми, но белыми, худые черные полицейские и т. д., а потом попросил детей указать, кто на картинках – папа Джонни или Джонни, который вырос. Даже трехлетние значительно чаще выбирали чернокожих людей, а не толстяков или полицейских. Они понимали, что вес и род занятий могут измениться, но расовая принадлежность – никогда. После 15 лет исследований, профессор Гиршфельд сделал вывод: «Наш разум, вероятно, организован таким образом, что неизбежно делает мышление расовым. Знать, что человеческий мир можно разделить на дискретные расовые популяции, – почти неизбежная часть нашего образа мыслей» [13].

Когда белым дошкольникам предъявляли лица смешанной расы, которые выглядели злыми, они, как правило, говорили, что это лица чернокожих, но всегда классифицировали счастливые лица как белые. Так что «фильтры, через которые люди видят мир, присутствуют с самого раннего возраста» [14]. Филлис Кац, профессор в Университете Колорадо, изучала маленьких детей на протяжении первых шести лет жизни. В возрасте трех лет она показала им фотографии других детей и спросила, с кем бы они хотели дружить. 86 % белых испытуемых выбрали фотографии белых. Малышам в возрасте пяти и шести лет она давала фотографии людей и просила их сортировать их на две кучи по любым критериям, которые им нравились. 68 % производили сортировку по расовой принадлежности и только 16 % – по половой. Подводя итоги шестилетнего исследования, Ф. Кац резюмировала: дети никогда не демонстрируют расовый дальтонизм, чего от них ожидают многие взрослые, которые почти безошибочно и по минимальным признакам определяют расовую принадлежность. И поскольку за последние годы такого рода исследований проведено много, это приводит к выводу, что расовая идентификация является частью человеческой природы.

Итак, каждый человек от природы является носителем наследственных расовых признаков, которые неотъемлемо проявляются в каждом виде его деятельности, в том числе и интеллектуальной. Признанным специалистом в области изучения уровня интеллекта различных рас является Ричард Линн – профессор психологии Ольстерского университета в

Дублине. Среди основных открытий, сделанных Р. Линном, следует отметить установление факта, что коэффициент интеллекта (IQ) коренных жителей Восточной Азии в среднем на 5 баллов выше, чем у европейцев (100), вне зависимости от места проживания испытуемых.

Им также впервые было показано, первоначально на японской популяции, что во второй половине XX столетия наблюдалось неуклонное повышение результатов психометрических оценок IQ. Впоследствии была показана универсальность этого явления, получившего название, по имени новозеландского профессора Джеймса Роберта Флинна, «эффект Флинна». Позже в книге «IQ и благосостояние наций» (2002, 2006) (в соавторстве с финским ученым Тату Ванханеном) Р. Линн проанализировал проблему зависимости благосостояния и экономического роста наций от «национального» IQ. По результатам анализа данных для 185 стран он аргументировано показал вклад коэффициента интеллекта каждой нации в показатели ее экономического благосостояния*.

Один из вытекающих из работ Линна и Ванховена выводов состоит в том, что среднемировой IQ составляет в среднем только 90 баллов. Менее, чем одна из пяти стран, имеет средний IQ, эквивалентный или близкий к существующему в Великобритании (или в России) и принятый за 100 баллов. Почти половина средних национальных IQ составляют 90 баллов или ниже. И поскольку IQ в 90 баллов является пороговым для поддержания технологической экономики, то это представляет серьёзную проблему [15].

Выводы, содержащиеся в монографиях «IQ и глобальное неравенство» Ричарда Линна и Тату Ванханена (Lynn, Vanhanen, 2006) и «Всемирная колоколообразная кривая» Р. Линна (Lynn, 2008), были подтверждены в исследованиях Дж. Филиппа Раштона, который изучал IQ в Сербии (у цыган или *рома*) и в Южной Африке (у выходцев из Восточной Азии, белых, выходцев из Южной Азии, цветных и негров). В частности, было обнаружено, что взрослые цыгане (от 16 до 66 лет) имели оценки IQ на уровне 10-летних сербских детей. Так что неудачи многих стран мира по адаптации цыган в контексте исследований Раштона становятся более понятными. Как и неудачи многих стран африканского континента в деле модернизации - средний IQ студентов инженерных специальностей и психологов из университетов Южной Африки был значительно ниже, чем у европейцев.

Свидетельствуют ли эти результаты об "умственной отсталости" (в том смысле, в каком это понятие используется в клинической психологии) южноафриканцев и цыган? Нет, считает Раштон. И вводит понятие "умственного возраста". По его мнению, уровень IQ в 70 баллов эквивалентен умственному возрасту в 11,2 лет. Так что размах умственного возраста в Африке составляет от 7 до 16 лет со средним в 11 лет. Взрослые белые, для сравнения, имеют средний умственный возраст от 11 до 24 лет со средним значением в диапазоне примерно в 17 лет. А у афроамериканцев, имеющих приблизительно на 25 % европеоидную родословную, средний IQ составляет 85 баллов, что эквивалентно умственному возрасту примерно в 14 лет со средним размахом от 11 до 16 лет.

Кажется, эти и многие другие результаты исследований должны, по меньшей мере, быть учтены во внутренней политике Европы, Канады, Австралии и США. Но ничего подобного не происходит. Наоборот. В полном соответствии с идеей постмодернизма о культурном и расовом плюрализме в этих странах продолжает процветать политика "расового разнообразия", расового смешивания и расовой интеграции. Особенно она характерна для США, где начиная с 1965 года, после вступления в силу закона Харта –

* В свою очередь "национальный" IQ зависит от расового состава каждой нации - группы популяций, интерпретируемых как "генетические кластеры", образовавшиеся более 100 000 лет назад после исхода хомо сапиенс из Африки. Более высокий IQ европейцев и аборигенов Восточной Азии (корейцы, китайцы, японцы) связан с более сильным давлением эволюционного отбора, которое в условиях холодных зим работало в сторону увеличения мозга, замедления скорости созревания, снижения уровней половых гормонов и влияло на все остальные характеристики жизненного цикла человеческой популяции. Теорию "холодных зим" поддерживает корреляция на уровне 0,62 между средним объёмом черепа и расстоянием проживания от экватора, полученная на материале 20.000 черепов. Не случайно наименьшие средние значения были обнаружены у африканцев районов Африки южнее Сахары (IQ = 67) и австралийских аборигенов (IQ = 62). Самые низкие оценки получили бушмены пустыни Калахари.

Селера (более известного как закон об иммиграции и гражданстве), отменившего установленные еще в 1924 году национальные иммиграционные квоты, которые должны были сохранять европейский характер населения США, доля белого населения снизилась с 89 % почти до 64 %. По прогнозам ученых, оно станет меньшинством уже к 2039 году среди людей трудоспособного населения*. Что это будет значить для США? По мнению Дж. Тэйлора, это будет означать не только крах Америки в качестве мирового экономического лидера, но и превращение ее в страну "третьего мира. Рассмотрим его аргументы.

Отмечая, что США является единственной страной в мире, население которой увеличивается примерно 1 млн. 300 тыс. человек в год за счет инорасовой иммиграции из Латинской Америки и Азии, автор подчеркивает, что эта государственная политика основывается на массовом распространении в среде политиков и бизнесменов якобы прогрессивной идеи "расового разнообразия"†. Однако прогрессивность политики расового и культурного разнообразия, о которой постоянно твердили последние президенты США, начиная с Била Клинтона, по мнению Тэйлора, не более чем миф. Разнообразие не снимает, а обостряет межрасовую напряженность и конфликты в американских городах, школах, университетах и тюрьмах.

Кстати, "отцы основатели" США прекрасно это понимали. Существует устойчивый миф о США как "плавильном тигле" народов, в том числе разной расовой принадлежности, о гражданской войне 1861-1864 гг., которая, якобы, велась за освобождение негров в южных штатах. Но реальность, разумеется, была иной. Томас Джефферсон, Бенджамин Франклин, Джеймс Мэдисон и многие другие выдающиеся деятели США, задолго А. Линкольна, действительно выдвигали требования об отмене рабства. Но лишь для того, чтобы осуществить реколонизацию, – вывести чернокожих за пределы США. Так, четвертый президент Джеймс Мэдисон предложил, чтобы федеральное правительство продало государственные земли, а на вырученные деньги выкупило все рабское население и вывезло его за рубеж. Он выступал за конституционную поправку о создании общества колонизации, учреждаемого президентом США. После двух сроков пребывания в должности Мэдисон служил исполнительным директором Американского общества колонизации, которому он посвятил много времени и сил. На первом заседании общества в 1816 году Генри Клей описал его цель: «избавить нашу страну от бесполезной и пагубной, если не сказать опасной, части населения». Следующие видные американцы были не просто членами, но и должностными лицами общества: Эндрю Джексон, Даниэль Уэбстер, Ставен Дуглас, Уильям Сьюард, Френсис Скотт Ки, Уинфильд Скотт; два главных судьи Верховного суда Джон Маршалл и Роджер Тани. Все они были против присутствия чернокожих в Соединенных Штатах и рассматривали их экспатриацию как единственное решение. Джеймс Монро был таким ярким сторонником реколонизации, что столица Либерии, куда в 1822 году прибыли первые черные американские переселенцы, была названа Монровией в благодарность за его усилия.

Конечно, движение аболиционизма в США набирало силу. Но гражданская война между Севером и Югом была результатом комплекса причин, в составе которого вопрос об освобождении негров был не главным. «Янки», как называли южане предприимчивых жителей промышленного развитого Севера, откровенно презирали «плантаторов», с их традициями и «кодексом чести». «Джентльмены» Юга, в свою очередь, презирали «янки» за страсть к наживе, пренебрежительно называя их «торгашами». Взаимная неприязнь длилась давно и подпитывалась не только различиями в образе жизни, но и причинами экономико-политического свойства. Драгоценный хлопок, выращиваемый на Юге, был федеральной собственностью. Плантаторы не могли напрямую торговать им с Европой. В то же время, закупая промышленные товары у Севера, они платили высокие тарифы. И лоббирующая в Конгрессе интересы южан Демократическая партия ничего не могла с этим поделать: двадцатидвухмиллионный Север имел в Палате представителей большинство. Когда же в 1854 году в северных штатах была образована Республиканская

* В 2012 году от всего населения США испаноязычные жители составляли примерно 16,5 %, афроамериканцы – 12,3 %, азиаты – 5 % и многорасовые американцы – 2,4 %.

† Не только в государственных учреждениях, но и во многих фирмах были введены должности "директора по разнообразию".

партия, откровенно заявившая о своих претензиях на политическое лидерство и место для своего кандидата в Белом доме, ситуация на Капитолийском холме обострилась до предела. «Янки» не скрывали намерения преобразовать Юг «по образу и подобию» Севера, и это вызывало особый страх и ярость южан.

Вопрос о том, что от Севера надо отделиться, возникал неоднократно. Однако дело обычно заканчивалось каким-нибудь очередным компромиссом, и «худой мир» продолжался. Но в 1860 году, когда на пост президента баллотировался республиканец-радикал Линкольн, южане почувствовали, что угроза их традиционному существованию приблизилась вплотную. Было решено, что южные штаты голосуют против Линкольна, а если он все же победит, то они воспользуются своим правом и выйдут из Союза («Юниона»). На чем же основывалось это право?

В знаменитой Декларации независимости 1776 года Северо-Американские Штаты были определены как «Федерация свободных и суверенных государств», и принятая позднее Конституция, основанная на Декларации, этого определения не отменяла. Естественным правом каждого свободного и суверенного государства, как известно, является право на собственный основной закон (конституцию) и на свободный выход из федерации, если на то будет воля народа.

Как только стало известно о победе Линкольна на выборах, Южная Каролина первой объявила о своем выходе из Союза: был проведен референдум, подтвердивший, что абсолютное большинство граждан желает выхода, о чем 20 декабря Конгресс и был официально уведомлен. Вслед за ней аналогичные решения приняли Алабама, Миссисипи, Флорида, Луизиана и Техас, а чуть позже к ним присоединились еще семь штатов. 4 февраля 1861 года представители мятежных штатов собрались в Монтгомери (Алабама), приняли свою Декларацию независимости и объявили о создании нового суверенного государства: «Федеративные Штаты Америки» («Конфедерация»). Президентом Конфедерации был избран Джефферсон Дэвис. А неделю спустя была принята и Конституция Конфедерации – почти точная копия Конституции США.

Такое стремительное развитие событий застало Конгресс врасплох и вынудило лихорадочно искать очередной компромисс. В качестве такового Линкольну были предложены на утверждение два законопроекта. Суть первого состояла в том, чтобы в развитие Миссурийского компромисса 1820 года навсегда в законодательном порядке узаконить рабство на Юге. Суть второго: в законодательном же порядке разделить территорию США на рабовладельческие и свободные от рабства штаты, предоставив каждой части страны жить и развиваться по своим собственным законам.

Президент согласился принять первый законопроект и категорически отверг второй. Линкольн объявил, что не признает за «свободными и суверенными государствами» права на выход и считает территорию Конфедерации подлежащей юрисдикции Соединенных Штатов. Тем самым президент, во-первых, пренебрег волеизъявлением почти 23 процентов своих избирателей из 13 штатов. А поскольку в Конституции США не было запрета на выход (иначе этот Союз просто не был бы образован), он, во-вторых, нарушил и один из основополагающих принципов правового государства: «Все, что не запрещено законом, то разрешено». И страна была ввергнута в гражданскую войну – самую кровопролитную и жестокую за всю историю США.

О том, что она будет именно такой, Линкольн знал почти наверняка: вооруженные силы Юга, хотя и уступали численно армиям Севера, были хорошо вооружены, организованы и, главное, готовы сражаться «до последнего». Так стоило ли проливать моря крови? Не лучше ли было решить дело миром, заменив «федерацию» «конфедерацией» независимых государств? С точки зрения принципов абстрактного – то есть внеисторического – гуманизма положительный ответ очевиден. Но с точки зрения исторической целесообразности решение Линкольна было правильным: конфедеративный путь развития никогда не вывел бы США в разряд великих государств.

Не случайно Линкольн, прославившийся отменой рабства, готов был его навечно узаконить в южных штатах, а освобожденным рабам Севера предлагал уговорить своих собратьев переселиться в Центральную Америку. В 1862 году в послании Конгрессу он выступил не только за добровольную колонизацию, но и за насильственное выселение свободных черных американцев. И такие взгляды оставались довольно популярными

в среде политических деятелей вплоть до середины XX века. И хотя теперь возобладала идея "расового разнообразия", проблемы совместного проживания расово различных групп населения США остались.

Представители разных рас предпочитают не смешиваться, "жить на особицу": на протяжении последних десятилетий белые забирают своих детей даже из некогда престижных, прекрасно оборудованных школ, как только в них начинают преобладать латиносы, афроамериканцы или азиаты. В последние годы они вообще все чаще переезжают в другие районы мегаполисов и другие города, лишь бы жить в своей расовой среде. Их можно понять: они стремятся избежать даже не "культурного шока", а банального насилия – нападения на «белых» стали видом забавы в США, с непременной съемкой на видеокамеру. Так вместо провозглашенной, но провалившейся, "расовой интеграции" спонтанно и естественно возникает "расовая сегрегация".

Причем последняя, показывает Тэйлор, отражает предпочтения всех расовых общин: независимо от уровня образования, социального и материального положения чернокожие, латиносы, представители многолоидной расы (корейцы, китайцы и др.) предпочитают жить, работать и отдыхать вместе и вдалеке от "иных". Так, например, в Южной Калифорнии, в которой белое население уже в меньшинстве (как и еще в пяти южных штатах), черные хотят держаться подальше от выходцев из Латинской Америки. "Они не любят музыку ранчеро и соседей которые держат кур, а также тех, кто паркует автомобили на лужайке перед домом. Они негодуют, что футболисты захватывают общественные парки... Как написал один из читателей газеты "Филадельфия инквэуэр": "Нет ничего плохого в сегрегации. Большинство афроамериканцев в хорошем смысле хотят тех же общественных отношений, что и большинство белых. Мы не хотим, чтобы они жили в наших районах. Мы не хотим, чтобы наши дочери и сыновья вступали в брак с их сыновьями и дочерьми. Нет, спасибо... Нам не нужны чай, печенье и беседы у камина с белыми людьми. Мы не должны притворяться, что мы похожи друг на друга, чтобы иметь хорошие отношения" [11, с. 68-69]. Так что «уровень сегрегации» является универсальной биологической шкалой, иллюстрирующей суть множества процессов в обществе, в том числе уровень преступности и безработицы. С его помощью, считает Тэйлор, можно определять «кардиограмму» социального организма.

Повседневные реалии подтверждают правоту слов автора, ибо в США существуют, например, похоронные бюро и роддома специализирующиеся по расовому признаку, вся система медицины также сугубо расовая. Даже гомосексуализм имеет расовую ориентацию, ибо билеты членов гей-клубов выдают по расовому признаку. Активно культивируются расовые конкурсы красоты и проводятся выборы инорасовых мисс США. В системе досуга широко распространены расовый юмор и расовые развлечения, «черное телевидение», к примеру, – это гигантская отрасль. Банковские базы данных составляются по расовому признаку, также как и службы спасения и станции переливания крови. А в сфере политики манипуляции расовыми предпочтениями стали повсеместными.

Опираясь на результаты Бюро переписи, свидетельствующие, что вследствие низкой рождаемости белых они станут меньшинством среди детского населения США уже к 2023 году, Тэйлор констатирует, что "будущее США принадлежит преимущественно испаноязычным и чернокожим" [11. С. 332]. И тогда Америка столкнется с рядом проблем, которые лишь обостряются в последние годы. Среди наиболее значимых 1) рост насильственных преступлений и повышение уровня коррупции, 2) распространение бедности, 3) снижение качества и уровня образованности населения, и как следствие, качества "рабочей силы", 4) падение значимости института брака и увеличение "неполных семей", 5) ухудшение здоровья и деградация системы медицинского обеспечения, 6) изменение культурного облика Америки (в сфере языка и быта). Как демонстрирует автор, эти и многие другие проблемы имеют отчетливую "расовую окраску", подтверждаемую фактами государственной статистики.

Так, например, "данные Министерства юстиции показывают, что чернокожие совершают преступления и оказываются в заключение примерно в 7,2 раза чаще, чем белые, а выходцы из Латинской Америки – в 2,9 раза чаще. Такие преступления, как грабеж и разбой демонстрируют характерные расовые особенности – черные совершают их в 15 раз, а выходцы из Латинской Америки чуть более чем в четыре раза чаще, чем белые американцы.

Практически нет видов преступлений, которые чернокожие и выходцы из Латинской Америки, не совершают в большем количестве, чем белые..." [Там же, с. 353].

Несмотря на усилия государства и муниципалитетов, выделяющих расовые "квоты" и тратящих значительные суммы на подъем успеваемости в начальной и средней школах, латинос и афроамериканцы в несколько раз хуже учатся, чаще хулиганят и на порядок больше, нежели белые школьники, совершают развратных действий и преступлений*. Поэтому в школах южных штатов, где уже давно преобладают чернокожие и латиноамериканцы и где стоят металлодетекторы, просто опасно находится: несмотря на бонусы от 5000 до 10 000 долл., учителя бегут из этих учебных заведений. Не только из-за постоянных оскорблений и соображений безопасности, но из-за понимания невозможности переломить ситуацию – их цветные ученики (за исключением выходцев из Азии) просто не желают учиться, хотя школьные округа тратят от 25 000 до 28 000 долл. в год на одного ученика.

Особенно впечатляет анализ Тэйлором "черного", "латиноамериканского" и "азиатского" расового самосознания, которые из года в год демонстрируют свою жизнеспособность, культивируя собственную идентичность и выстраивая собственные стратегии завоевания жизненного пространства. Еще С. Хантингтон 20 лет назад отмечал, что главные вызовы американской идентичности исходят от латиноамериканских иммигрантов, которые не желают учить английский и культурно ассимилироваться, продолжая сохранять собственную (мексиканскую, сальвадорскую и иную) идентичность и связи со страной происхождения. Тэйлор иллюстрирует этот тезис десятками современных примеров из повседневной жизни, результатами социологических опросов и фактами криминальной статистики. Особенно характерны в этом отношении американцы мексиканского происхождения, составляющие 66 % всех выходцев из Латинской Америки. "Когда проводится одновременный опрос граждан и неграждан США мексиканского происхождения, то 55 % считают себя в первую очередь мексиканцами, 25 % – латиноамериканцами, и только 18 % думают о себе только как об американцах" [11, с. 248]. Правительство Мексики, отмечает автор, открыто разрушает американскую государственность, субсидируя и поддерживая нелегальную иммиграцию в США, поощряя отток из своей страны преступников, наркоманов и проституток. Не случайно, добавлю, новый президент США Дональд Трамп обещал выстроить "стену" между двумя странами.

На этом фоне "белое самосознание" выглядит удручающе. Несмотря на подсознательную привязанность к себе подобным, белые "не придают большого значения принадлежности к белой расе и не рассматривают таковую в качестве серьезной основы для принятия решений любого рода. Многие белые прилагали реальные усилия к тому, чтобы преодолеть расовую идентификацию и начать рассматривать других людей, прежде всего, как личностей. Они часто терпят неудачу в этом, но их священной целью остается расовый дальтонизм. Некоторые белые зашли так далеко за рамки расовой слепоты, что видят свою расовую принадлежность как однозначно делающую их виновными в чем-либо. Ни расовый дальтонизм белых, ни их отрицательное отношение к собственной расовой принадлежности не имеют аналога в образе мышления небелых, живущих в США" [Там же, с. 299].

Размывание белого самосознания, по мнению автора, не естественно-исторический процесс, а результат идеологии и политики "расового разнообразия" и "расового смешения", проводимых в жизнь многими политиками и интеллектуалами. От них, как и от законов, разрешающих небелую иммиграцию, надо срочно отказываться. Но возможно ли это в современных США и не поздно ли? Однозначного ответа автор не дает. Но в заключение своей работы ссылается на профессора биологии Е. Раймонда Холла, который считая человеческие расы подвидами вида "человек разумный", пишет: "Существование одного

* Так, в 2003-2004 учебном году "ученики муниципальных школ Филадельфии совершили 310 развратных действий, 56 появлений в общественном месте в непристойном виде, 10 изнасилований или покушений на изнасилования и 86 других сексуальных преступлений. В Чикаго в 2008-2009 учебном году 37 учащихся муниципальных школ были застрелены". Муниципалитет, продолжает Тэйлор, выделил (дополнительно к 55 млн.) еще 30 млн. долларов на школьную безопасность и защиту школьников. "Несмотря на эти усилия, пять чикагских школьников были убиты уже в первые три недели 2009-2010 учебного года". [11. С. 344].

подвида человека, живущего вместе на равных условиях на протяжении долгого времени с другим подвидом, приводит только к катастрофе и исчезновению одного из них" [Там же, с. 404]. Поэтому у белых есть лишь один выбор: "вновь обрести чувство расовой идентичности и решимость для поддержания своей численности, своих традиций, своего образа жизни или кануть в Лету" [Там же, с. 405].

Выводы

Разумеется, отсутствие четких критериев различения "рас" и "этносов", а также налет биологического фатализма наличествует во многих работах представителей "расового реализма". В частности, присутствующее у ряда ученых отождествление рас с биологическими подвидами не находит точного генетического подтверждения. Поэтому в основном они опираются на результаты демографических исследований и статистики. Но даже эти данные убедительно свидетельствуют о грядущем глобальном исчезновении европеоидной (белой) расы, о существенных различиях в менталитете, интеллектуальных способностях, моральных предпочтениях и поведении представителей разных рас. Не будем гадать, как сложится история человечества в условиях глобального доминирования монголоидной и негроидной рас. Скорее всего, люди научатся жить вместе, и евроатлантическая цивилизация и ее великая культура не исчезнут. В том случае, если, вопреки принципам постмодерна, человечество продолжит культивировать такую политическую форму жизни, как национальное государство.

Как показывает опыт США, расовая интеграция, даже за счет расовых смешений, крайне неэффективна. Но *национальная* интеграция полиэтнического и мультирасового населения не только возможна, но и доказала свою многовековую жизнеспособность. Апеллируя к "природе" человека, сторонники расового реализма подчеркивают базовый характер и устойчивость (на бессознательном уровне) расовых идентичностей. Но они не учитывают того, что каждый индивид является носителем комплекса многочисленных, иерархически связанных идентичностей, часть из которых актуализируется вместе с изменением географического, политического и социокультурного пространства его жизни. Но поскольку процедуры индивидуальной идентификации осуществляются в чувственно-эмоциональной и когнитивной формах, включая в себя мысленное отнесение к «группе», содержание полученного в акте самосознания ответа на вопрос: «Кто Я (Мы)?» в полной мере зависит от ценностно-оценочных представлений и знаний о «Них». В конечном счете, идентичности представляют собой индивидуальные и групповые конструкты – вербализованные результаты отнесения к «воображенным общностям» (Б. Андерсон), определяемые, в свою очередь, предшествующим воспитанием, образовательным и культурным «багажом» и наличествующим в данный момент «окружением»: политическими ландшафтами, информационными и культурными «пространствами», в которые индивиды и группы вынужденно помещены и в которых они существуют.

Так что их можно менять благодаря целенаправленным усилиям государства, озабоченного построением "нации". При этом ошибочно также делать ставку лишь на гражданскую идентичность: в истории не было устойчивых национальных сообществ людей, связанных *только* узами общего гражданства. И распадающаяся Украина тому пример. В действительности «*нация*» – это появившаяся лишь в XVIII-XIX столетиях *исторически новая общность людей*, связанных между собой в сообщество не только общим гражданством, но и общей исторической памятью, общим языком, и общей культурой. Не только в США, но и в полиэтнической и мультирасовой России об этом следует помнить.

Надо продолжить начатый Путиным "консервативный поворот" в области культурного наследия, и, не ограничиваясь созданием единого федерального учебника по истории, единого государственного экзамена на русском языке, смело двигаться дальше, подавая пример Европе, которая под флагом культурного плюрализма в последние годы демонстрирует отказ от традиционных, в том числе христианских, ценностей. Ее спасение – в реанимации практики строительства национальных государств. Думаю, будущее за полиэтническими национальными государствами. Лучше жить в отдельной квартире общего дома, чем в коммуналке.

Литература

1. Брубейкер Р. Этничность без групп. / Пер. с английского И. Борисовой; Нац. исслед. у-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшая школа экономики. 2012.
2. Вайханен Тату. Этнические конфликты. Их биологические корни в этническом фаворитизме. Перевод с англ. Д. Румянцева. М.: Кучково поле, 2014.
3. Гранин Ю.Д. Проекты грядущего мирового порядка: между «национальным» и «космополитическим» // Вестник РАН. 2012. Т. 82, №9, сентябрь. С. 807-813.
4. Гранин Ю.Д. Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее. Научное издание. СПб.: Экспертные решения, 2014.
5. Гранин Ю.Д. Сохранятся ли "национальные государства" в XXI веке? // Свободная мысль. 2015. №2 (1650). С. 65-80.
6. Гранин Ю.Д. Национальная идентичность в глобализирующемся мире // Вестник РАН. 2015. Т. 85. №9. С. 805-811.
7. Линн Ричард. Расы. Народы. Интеллект. Перевод с англ. Дмитрия Румянцева. М.: АСТ, 2014.
8. Линн Ричард. Расовые различия в интеллекте. Эволюционный анализ. Перевод с англ. Д. Румянцева. М.: Профит Стайл, 2010.
9. Раштон Джон Филипп. Раса, эволюция, поведение. Взгляд с позиции жизненного цикла. Пер. с англ. Румянцев Д.О. М.: Профит Стайл, 2011.
10. Тлостанова М.В. Человек в современном мире: проблемы множественной идентичности // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2010. Том IV. Человек в поисках идентичности. М. 2010. С. 216.
11. Тэйлор Джаред. Белое самосознание. Расовая идентичность в XX веке. Пер. с англ. М.Ю. Диунова. М.: Икс- Хистори; Кучково поле, 2014.
12. Edward O. Wilson. Sociobiology: The New Synthesis. // Cambridge Harvard University Press, 1975.
13. Seeing Race // Michigan Today (Ann Arbor? MI), June, 1966.
14. Siri Carpenter, Buried Prejudice. The bigot in Your Brain // Scientific American, May, 2008.
15. Richard Lynn, Tatu Vanhanen. IQ and the Wealth of Nations. Westport, CT: Praeger, 2002.

References

1. Brubeiker R. Etnichnost' bez grupp. / Per. s angliiskogo I. Borisovoi; Nats. issled. u-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: Izd. Dom Vysshaya shkola ekonomiki. 2012.
2. Vaikhanen Tatu. Etnicheskie konflikty. Ikh biologicheskie korni v etnicheskom favoritizme. Perevod s angl. D. Rumyantseva. M.: Kuchkovo pole, 2014.
3. Granin Yu.D. Proekty gryadushchego mirovogo poryadka: mezhdru «natsional'ny» i «kosmopoliticheskim» // Vestnik RAN. 2012. T. 82, №9, sentyabr'. S. 807-813.
4. Granin Yu.D. Natsional'noe gosudarstvo. Proshloe. Nastoyashchee. Budushchee. Nauchnoe izdanie. SPb.: Ekspertnye resheniya, 2014.
5. Granin Yu.D. Sokhranyatsya li "natsional'nye gosudarstva" v XXI veke? // Svobodnaya mysl'. 2015. №2 (1650). S. 65-80.
6. Granin Yu.D. Natsional'naya identichnost' v globaliziruyushchemsya mire // Vestnik RAN. 2015. T. 85. №9. S. 805-811.
7. Linn Richard. Rasy. Narody. Intellect. Perevod s angl. Dmitriya Rumyantseva. M.: AST, 2014.
8. Linn Richard. Rasovye razlichiya v intellekte. Evolyutsionnyi analiz. Perevod s angl. D. Rumyantseva. M.: Profit Stail, 2010.
9. Rashton Dzhon Filipp. Rasa, evolyutsiya, povedenie. Vzglyad s pozitsii zhiznennogo tsikla. Per. s angl. Rumyantsev D.O. M.: Profit Stail, 2011.
10. Tlostanova M.V. Chelovek v sovremennom mire: problemy mnozhestvennoi identichnosti // Voprosy sotsial'noi teorii. Nauchnyi al'manakh. 2010. Tom IV. Chelovek v poiskakh identichnosti. M. 2010. S. 216.
11. Teilor Dzhared. Beloe samosoznanie. Rasovaya identichnost' v KhKh veke. Per. s angl. M.Yu. Diunova. M.: Iks- Khistori; Kuchkovo pole, 2014.

12. Edward O. Wilson. Sociobiology: The New Synthesis. // Cambridge Harvard University Press, 1975.
13. Seeing Race // Michigan Today (Ann Arbor? MI), June, 1966.
14. Siri Carpenter, Buried Prejudice. The bigot in Your Brain // Scientific American, May, 2008.
15. Richard Lynn, Tatu Vanhanen. IQ and the Wealth of Nations. Westport, CT: Praeger, 2002.

УДК 1

Расовый плюрализм в эпоху постмодерна. Проблемы и перспективы

Юрий Дмитриевич Гранин ^{а, *}

^а Институт философии РАН, Академия медиаиндустрии, Российская Федерация

Аннотация. В статье обсуждается глобальная тенденция изменения расового баланса в США и других странах, ее последствия для многих государств современного мира. Рассматриваются сильные и слабые стороны "расового реализма", предлагаются пути решения проблемы расовой интеграции. Перспективы человечества, считает автор, связаны с отказом от идеологии постмодерна, политики расовой интеграции и мультикультурализма. Появление этих феноменов вызвано действием институтов неolibеральной глобальной экономики и распространением информационных технологий, связавших человечество анонимными системами власти. Противостоять символическому насилию масскультуры «глобального потребителя», полагает автор, способна продуманная государственная политика, сочетающая традицию и современность в горизонте сохранения национальной идентичности.

Ключевые слова: идентичность, интеграция, постмодернизм, раса, релятивизм, сегрегация.

---

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: maily-granin@mail.ru (Ю.Д. Гранин)